Наша газета в рубрике «Уроки истории» продолжает публикацию отрывков из книги полковника запаса Владимира Слабуки «В исключительных обстоятельствах» (Москва, Издательство Граница, 2015).

Он является автором нескольких книг об истории органов безопасности Камчатки, о неизвестных страницах прошлого нашего края.

Изданные Владимиром Викентьевичем документальные очерки часто основываются на источниках, ранее недоступных широкому кругу исследователей.

Автора отличает хороший литературный язык в изложении событий давно минувших дней. О них Владимир Слабука старается рассказывать без мажорной и минорной ретуши, считая, что для нашего объективного понимания прошлого «обеление» истории еще губительнее, чем ее очернение.

Редакция «Вестей»

В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Начало , **продолжение 1**

продолжение

По словам уцелевших жителей поселка, на берег бухты Ольга с нарастающей мощностью обрушились три волны. Цунами уничтожило два материально-технических и продовольственный склады геологической экспедиции, хранилища, принадлежавшие Жупановскому рыбкоопу, три жилых дома, строительные материалы, более 2 000 бочек

для засолки рыбы… Увы, не удалось избежать и человеческих жертв.

Погибло 9 человек – работники геологической экспедиции и члены их семей: бурильщик Майстренко, кунгасник Субтильный и четверо его детей, жена и ребенок токаря Паршина и прибывшая из Жупановского комбината для устройства на работу женщина, фамилию которой установить не удалось. Жертвами цунами стали также два работника Жупановского рыбкоопа.

Начальник Богачевской нефтеразведочной экспедиции В. А. Перваго, главный геолог В. В. Крылов привезли с собой продукты, теплые вещи.

В своих донесениях из района стихийного бедствия руководители экспедиции, на мой взгляд, больше сожалели об унесенных в море продуктах и промышленном оборудовании, чем о погибших людях. Возможно, я ошибаюсь. Но хорошо объяснима тревога начальника партии о 800 жителях Богачевки, которые из-за цунами остались без зимних запасов продовольствия.

Владимир Александрович Перваго, не дожидаясь утра, организовал людей на поиски и спасение грузов. Поначалу жители бухты Ольга воспринимали настойчивость начальника экспедиции чуть ли не как кощунство и пренебрежение трагедией, постигшей их, но потом втянулись в поиски, забыв на какое-то время о беде.

С наступлением нового дня работа продолжалась. Отличился старшина катера «Айсберг» Тарасов, который при высокой волне и сильном ветре методично обследовал берега бухты и прилегавшую к ней акваторию в поисках уцелевших грузов. Но постепенно выдержка и энтузиазм начали покидать жителей бухты Ольга, перенесших трагедию. В. А. Перваго пришел к выводу, что их необходимо отправить в Богачевку, а поисковые и спасательные партии организовывать из жителей центрального поселка. Тем же днем так и было сделано.

Геологов в беде не оставили. Продовольствие завез только что сошедший со стапелей сухогруз «Академик Губкин», а пока он загружался и шел к бухте, продукты жителям Богачевки 7 и 10 ноября сбрасывали транспортные самолеты «Ли-2» и бомбардировщики «Бостон» из состава авиакорпуса генерала Г. В. Грибакина.

Министерство геологии СССР направило на полуостров для пострадавших одежду, обувь и деньги.

В Богачевку на «По-2» вылетели главный механик Управления геологии И. А. Гончаренко и заместитель начальника по политчасти В. А. Ашметко. Появление последнего, как ни странно, оказалось дополнительным дестабилизирующим фактором. Вместо того чтобы найти нужные слова и успокоить испуганных людей, он действовал с точностью до наоборот.

Докладная записка начальника Управления МГБ СССР по Камчатскому краю А. Е. Черноштана сохранила для нас слова, которыми геологический замполит внушал «бодрость и спокойствие» подчиненным: «Произошедшее в ночь на 5 ноября землетрясение еще повторится. Это землетрясение аналогично землетрясению 1923 года, которое продолжалось три месяца».

Нестандартный подход товарища Ашметко к воспитательной работе можно было достойно оценить, существуй научно обоснованный сейсмопрогноз. Но откуда он мог взяться, если ученые, как мы уже убедились, знали физические параметры даже прошедшего землетрясения в общих и приблизительных характеристиках? К счастью, «прогнозы» товарища Ашметко не подтвердились.

Впрочем, вернемся к тем, кто в экстремальных ситуациях не терял способности здраво мыслить и действовать.

Мыс Шипунский, 5 ноября 1952 года, около 16 часов

Миновав северные склоны горы Лава, Белошицкий некоторое время шел вдоль Бараньего ручья, сбегающего в Авачинский залив. Затем пришлось повернуть налево и вновь подниматься вверх. Федор шагу не сбавлял, хотя по мере приближения к перевалу подъем становился все круче, а усталость давала о себе знать все больше, но быстрая ходьба помогала не замерзнуть.

Чьи-то найденные им на берегу короткие штаны, надетые им поверх мокрых кальсон, и нательная рубаха слабо защищали от злых порывов ноябрьского ветра, который здесь, на высоте, казалось, дул со всех сторон. Хотелось остановиться, спрятаться где-нибудь между камней, передохнуть минут двадцать.

Но Федор знал, что после такой остановки он вряд ли сможет заставить себя подняться. Смерть к замерзающему человеку подступает ласкающей истомой сна, от которого нет никакой возможности освободиться. А гибель Федора означала бы и конец для людей, оставшихся на берегу бухты. Требовалось идти во что бы то ни стало… До перевала уже рукой подать, а там станет легче…

Бухта Жировая

Камчатка, как ни поэтизируй ее красоты и богатства, – сурова. Уже одно расположение полуострова на огненном кольце Тихого океана делает жизнь здесь сродни игре в «русскую рулетку». Рано или поздно вращение барабана времени приводит к «роковому выстрелу» стихии, как случилось в ноябре 1952 года. Живущего на Камчатке человека подстерегают и другие опасности, которые не замедлят покарать за пренебрежение к ним.

Когда в конце 1930-х начали возводить поселок рыбзавода «Жировая» в одноименной бухте, его постарались максимально приблизить к крутым склонам сопки, способной защитить производственные и жилые строения от сильных ветров. И некоторое время казалось, что принято оптимальное решение… Пока не напомнили о себе снежные лавины. Первая из них сошла в ночь с 8 на 9 марта 1947 года. Она снесла несколько зданий поселка, но люди не пострадали.

Однако грозному предупреждению не вняли, поселок не перенесли, и трагедия не заставила себя ждать.

25 февраля 1948 года лавина погребла под собой три барака, в которых согласно официальным документам проживали 154 человека – взрослые и дети. Рабочим и

военнослужащим, прибывшим на следующий день в бухту на ледоколе, удалось спасти далеко не всех. Под снегом погибли 54 человека. Еще 11 жителей Жировой получили тяжелые травмы. Все ли из них выжили, неизвестно.

С Жировой связана еще одна зловещая тайна, которая остается неразгаданной до сего дня.

12 января 1952 года, разгрузившись в бухте, в Петропавловск-Камчатский направился принадлежавший Управлению тралового флота паровой траулер «Восток». Его капитан радировал, что намеревается появиться в порту около полуночи. Но траулер в Петропавловске не появился и вечером следующего дня. А 13 января в районе бухт Большая Лагерная и Малая Лагерная пограничники начали находить обломки судового снаряжения с надписями «Р/Т «Восток».

Чуть позже наряд у устья реки Раковая обнаружил тело поварихи траулера Анны Твороговой. Других следов кораблекрушения, позволявших установить причины трагедии, найти не удалось. Высказывалась версия, что «Восток», войдя в Авачинскую губу, наскочил на мину, оставшуюся со времен войны. Версия сомнительная. Пограничники, которые несли службу на мысе Маячном, взрыва не слышали, а известно, что грохот морской мины разносится на десятки километров вокруг.

Уже в наши дни, 8 февраля 2009 года, снежная лавина вновь обрушилась на обитателей бухты Жировая. Там находились рыбоводный цех и промысловая сезонная база общества с ограниченной ответственностью «Фомерон». Один из работников предприятия погиб.

Здешние места связаны и еще с одной давней трагедией, которую от нас отделяют уже более двухсот лет.

В ноябре 1811 года в бухте Вилючинской затонула бригантина Российско-Американской компании «Юнона». Да, то самое судно, купленное в свое время у американцев графом Н. П. Резановым, и известное нам по замечательной рок-опере Алексея Рыбникова «Юнона и Авось». Имя графа овеяно ореолом романтики благодаря горячей любви к нему дочери испанского коменданта Сан-Франциско Марии Консепсьон де Аргуэльо.

Впрочем, то, что произошло осенью 1811 года в бухте Вилючинской, начисто лишено романтики. Вместе с бригантиной погиб почти весь ее экипаж. Удалось спастись троим матросам.

Известный русский писатель и путешественник Кирилл Тимофеевич Хлебников, находившийся в то время в Петропавловске-Камчатском, так рассказывал о судьбе уцелевших матросов:

«Они нашли бывших там за ловлею рыбы наших людей и ими сюда (имеется в виду Петропавловск-Камчатский. – ***Авт.***) доставлены. Ужас объял меня при сем горестном и плачевном известии. На другой день мы поехали на гребных судах к месту кораблекрушения, и какое поразительное зрелище нам представилось! Прилив с моря по речке Вилюче поднимался более трех верст, и на всем том пространстве находили разнесенные течением мертвые тела или оторванные и искаженные части их, заметенные песком и опутанные морским поростом; иных находили зацепленных за деревья. Но всего ужаснее было видеть поднятых и заброшенных в ущелины между каменьями, рукою или ногою и всем телом висящих в воздухе. Девять тел были собраны и погребены, и участь, постигшая мореплавателей, тронула нас до глубины сердца».

Читатель, наверное, обратил внимание на одну странность в описании К. Т. Хлебникова. Он рассказал о морском приливе, который поднялся по реке Вилюче на три версты вверх по течению и имел такие силу и напор, что чудовищно калечил тела моряков, забрасывал их на скалы и деревья. Вы когда-нибудь слышали о таком приливе на Камчатке? Я – нет.

Самые высокие приливы Тихого океана зафиксированы в Пенжинской губе Охотского моря, где они достигают почти 13 метров. Известны, конечно, сильные приливные волны, которые возникают на Амазонке, на некоторых других реках. Самая высокая в мире приливная волна зафиксирована на китайской реке Фучуньцзян. Здесь она при скорости 40 километров в час может достичь высоты 9 метров. Но на реке Вилюче таких аномалий не зарегистрировано.

Если же сопоставить время гибели «Юноны» и цунами, возникшего у тихоокеанских берегов Чили 19 ноября 1811 года, а также принять во внимание описание К. Т.

Хлебникова, то вывод окажется однозначным: причиной кораблекрушения легендарной бригантины стало цунами. Корабль, видимо, встал на якорь слишком близко к устью реки, что и предопределило его гибель.

В ноябре 1811 года, подобно тому, как это случилось позже – в мае 1960 года, волна, рожденная у берегов Чили, достигла Камчатки. Сведений же у нас о ней нет по одной самой простой причине: на пустынных тихоокеанских берегах Камчатки в начале XIX века не было никого, кто мог бы донести до потомков известие о цунами.

В Петропавловске, расположенном в спасительной глубине Авачинской губы, его просто не заметили. К. Т. Хлебников, рожденный вдали от моря, тогда мог и не знать о таком грозном природном явлении, как цунами, поэтому и посчитал причиной гибели «Юноны» необычной силы морской прилив.

Как уже знает читатель, ужасные картины, подобные той, что описал их очевидец Кирилл Тимофеевич Хлебников в 1811 году, застали спасатели на берегах бухт Малая Жировая и Большая Жировая в ноябре 1952 года. Эти бухты, вытянутые в северо-западном направлении, обрамленные почти параллельными берегами, словно специально созданы природой в качестве полигона для демонстрации силы, на которую способно цунами. Это в очередной раз показала катастрофа 1952 года.

Бесстрастно передают официальные документы тот ужас, который пережили жители обоих поселков, расположенных на берегах бухт:

«Комиссия работала три дня по спасению и розыску пострадавших. В результате оказалось, что в бухте Малая Жировая смыты все производственные и жилые постройки и спаслось только 36 человек, которые доставлены в Петропавловск, им оказана помощь, больные помещены в больницу. В бухте Большая Жировая также смыты почти все помещения и спаслось 46 человек, которые доставлены на Авачинский комбинат, а больные госпитализированы в Петропавловске.

… Поднято трупов 29, установлено, что погиб 81 человек. Причем эта цифра после уточнения по спискам должна увеличиться. Уточнения проводятся по данным сельсовета, главка и рыбокомбината. Трупы доставлены в поселок Тарья (Авачинский

комбинат) и похоронены».

Беда не обошла стороной также окрестные прибрежные поселки. Камчатский обком КПСС сообщал краевому руководству в Хабаровск:

«В бухте Вилюй пострадало хозяйство колхоза «Вилюй», где разрушено 8 домов, магазин, продовольственный склад, пристань, база. Погибло 22 человека, из них найдено 16 трупов, которые похоронены. Раненым оказана помощь, доставлены продукты с Авачинского рыбкомбината. На место выезжала наша комиссия во главе с т. Ягодинец.

В бухте Саранной также разрушено 8 домов, магазин, склад, пристань, база. Погибло 7 человек, трупов не обнаружено».

Во все эти населенные пункты, расположенные сравнительно недалеко от областного центра, помощь пришла своевременно. О трагедии в труднодоступной бухте Моржовой никто, кроме ее обитателей, не знал до вечера 5 ноября. Федор Белошицкий, который отправился на метеопост сообщить о ней, добрался наконец до перевала. Теперь он петлял по тропе, протоптанной за века косолапыми, мигрирующими от ягодных полян и кедрового стланика с его сладкими недозрелыми шишками к рыбным рекам и озерам. Федор надеялся, что поздней осенью ему не доведется встретиться с хозяевами тропы. Но он ошибался.

Тропа, делая очередной крутой поворот, огибала скалистый, лишенный всякой растительности кряж. До него Белошицкий не дошел. Может быть, к счастью. Из-за кряжа вышел, раскачивая головой, громадный, килограммов на шестьсот, с серебристым отливом шкуры, медведь. Зверя неожиданная встреча на тропе, похоже, удивила не меньше, чем человека, но, в отличие от Федора, не напугала.

Хорошо откормившийся летом и осенью медведь смотрел беззлобно и, как показалось Федору, даже растерянно. Скорее всего, его из берлоги, куда он успел залечь в спячку, как и людей из их жилищ, выгнало землетрясение. Однако уступать дорогу зверь не собирался.

Федор вынужден был отступить и искать окружной путь. Для этого пришлось подниматься на тот самый скалистый кряж, тропу вокруг которого сторожил медведь. Вот когда пришлось пожалеть о том, что не удалось найти на берегу нормальную обувь.

Ноги нещадно скользили по обледенелой скале. Поднимаясь по ней, Белошицкий в основном надеялся на руки. Каждый пройденный метр добавлял новые ссадины и порезы на них. И руки в конце концов не выдержали, к счастью, уже на спуске. На одном из скальных карнизов руки не выдержали, разжались, и Белошицкий упал с высоты 10–12 метров.

Очнулся он нескоро. Кружилась голова, ныло все тело, каждый вздох отзывался резкой режущей болью в правом боку. С трудом преодолевая нестерпимую боль, Федор сумел добраться до метеопоста и сообщить о трагедии в бухте Моржовой.

7 ноября уцелевших жителей поселка поднял на борт экипаж траулера «Палтус». Через несколько дней, уже в Петропавловске, врачи диагностировали у Ф. Ф. Белошицкого многочисленные трещины черепа, переломы нескольких ребер, а тело его превратилось в один сплошной синяк.

Почти одновременно с рыболовецким судном в поселок китобоев прибыли семь пограничников с заставы «Жупаново». Они помогли местным жителям собраться, забить уцелевший скот и похоронить обнаруженные трупы.

А Белошицкого с мыса Шипунского вывезли только на пятые сутки в полумертвом состоянии после нескольких настойчивых телеграмм начальника метеопоста. Капитаны нескольких судов долго препирались, не торопясь подойти к мысу Шипунскому. Спасло Федора только его крепкое здоровье. Подвиг Белошицкого отметили орденом «Знак Почета».

Но такое равнодушное в чрезвычайных обстоятельствах отношение к человеческим судьбам, скорее, исключение, чем правило, но исключение, надо признать, не единичное.

К моменту цунами в бухте Мутной находились четыре милиционера. Начальник Управления МГБ А. Е. Черноштан сообщил областной комиссии о том, что его люди находятся на побережье.

7 ноября диспетчер рыбного порта Миронов передал капитану траулера «Север», который находился около мыса Лопатка, распоряжение зайти в бухту Мутную. В нем было точно указано место, где следует искать милиционеров: в палатке на высоте напротив камня Сивучего. Неизвестно, заходил ли «Север» в бухту Мутную, но только в Петропавловск он радировал, что людей он в бухте не обнаружил.

А. Е. Черноштан не поверил капитану траулера. Он потребовал послать в бухту другое судно, но в порту ничего подходящего не оказалось. Поздней осенью большинство небольших судов и катеров, в том числе пограничных, уже вытянули на берег. Тогда начальник управления решил выслать в Мутную принадлежавший УМГБ старенький паровой катер, которым командовал старшина госбезопасности Франц Панчухарь. Кроме него в состав экипажа входили моторист Владимир Козубенко, матрос Петр Токаренко и кочегар Григорий Шалыгин.

Четверо отважных моряков вышли в море в сложных метеорологических условиях. Высокие волны захлестывали катер. Выйти на палубу, без риска оказаться за бортом, было невозможно. К тому же барахлила машина, построенная еще при царе-батюшке. Трое суток, пока длилась спасательная операция, Владимир Козубенко не покидал машину. Поход катера в бухту Мутную увенчался успехом. Отчаявшихся дождаться помощи милиционеров сняли вечером 8 ноября. На следующие сутки катер доставил их в Петропавловск-Камчатский.

Не забыла областная комиссия и про заключенных, которые вели заготовку рыбы для колонии в бухте Большая Ходутка. Об их спасении подробно рассказал инструктор отдела рыбной промышленности обкома КПСС В. Бровенко, который находился на моторной шхуне «Поярков»:

«В эту бухту (Большая Ходутка. – ***Авт.***) судно подошло вечером 10 ноября 1952 года. Из-за наступившей темноты и измененного рельефа дна было невозможно принять меры по снятию людей. Мною был собран командный состав на совещание, где было решено

дождаться рассвета 11 ноября. С наступлением рассвета, уточнив местоположение судна и берега, спустили шлюпку во главе со старшим помощником тов. Башкирцевым и пошли к берегу, навстречу ей вышла шлюпка от берега во главе с руководителем рыбалки заключенным Ванштейном, обе шлюпки возвратились на судно из-за сильного берегового ветра силой 9 баллов по старой шкале.

Работы по снятию людей начали проводить только с 20 часов 11 ноября под светом прожектора. Большинство членов команды изъявили желание выйти на вельботе добровольно.

Снятие людей проходило при 9-балльном ветре с обледенением. Вельбот трижды направлялся к берегу, снятие людей проводилось малыми партиями. Всего было снято с берега 26 человек, из них две женщины.

Особо отличились на спасательных работах капитан Скаврунский, старший помощник капитана Башкирцев, старший механик Лазебный, 2-й механик Фоминых, матрос Бабенко, боцман Рудаев, моторист Тимошенко, электромеханик Самойленко.

Принятые люди были накормлены и размещены на отдых, организована просушка одежды.

Считаю необходимым рекомендовать руководству ИТК возбудить ходатайство о досрочном освобождении заключенного Ванштейна, принявшего все меры, чего не отрицают остальные заключенные, для спасения людей и поддержания среди них порядка, а также организовавшего спасение имущества, принадлежащего ИТК».

Помощь пришла и в другие пострадавшие поселки Камчатки. Особенно масштабные спасательные операции проходили на Северных Курилах.

Глава 8

Они не знали слова «цунами»

О трагических событиях на Северных Курилах и Камчатке в 1952 году в последнее время вспоминают часто. Редкий краевед или журналист со стажем не интересовался цунами 1952 года. И почти все те, с чьими исследованиями мне доводилось знакомиться, предваряли их обязательным упоминанием о том, что именно ему удалось «приоткрыть завесу тайны», «стереть белые пятна» и совершить прочие действия, проливающие свет на истину. Но, как правило, за такими многообещающими заявлениями пояснений и откровений не следовало, приводилась лишь компиляция сведений из давно известных источников. Такие исследования разнились только количеством жертв природной катастрофы. И чем больше трупов они насчитывали, тем более мощную публицистическую отвагу, как мне показалось, в себе ощущали их авторы. Хотя, полагаю, что смерть даже одного человека является трагедией.

Впрочем, и мне в недавнем прошлом в рассказах о цунами 1952 года не удалось избежать преувеличений. Хотя и не таких глобальных, какие можно найти в некоторых источниках. Иные из авторов приводят число жертв, кратно превышающее численность населения островов Парамушир, Шумшу, Онекотан и Алаид, которое в тот период, включая военнослужащих и членов их семей, составляло около 27 тысяч человек.

Исследователей, которые рассказывали о цунами 1952 года, основываясь на оригинальных документах того периода, можно сосчитать по пальцам одной руки, причем, пожалуй, два из пяти останутся несогнутыми. И если говорить об источниках, то речь идет по большей части о дневниках и воспоминаниях очевидцев, написанных и записанных спустя некоторое время после трагических событий. Реальные архивные источники, датированные ноябрем–декабрем 1952 года, довелось прочесть единицам. Те документы, которые оказались в моем распоряжении, рассказывают о трагедии на Северных Курилах в режиме реального времени и без купюр. Главный удар стихия нанесла по районному центру…

Северо-Курильск

Работая с документами, датированными ноябрем 1952 года, я обратил внимание на одну особенность. Никто из тех, кто так или иначе оказался затронут природной катастрофой, рассказывая о той страшной ночи, не называет волны, обрушившиеся на острова, цунами. Это характерно не только для рядовых обывателей островов, но и для

первого секретаря Северо-Курильского райкома КПСС Иосифа Михайловича Орлова и командира 6-й пулеметно-артиллерийской дивизии генерал-майора Михаила Ильича Дуки. В руках этих двух людей сосредоточилась вся полнота политической, административной и военной власти на Парамушире, Онекотане, Шумшу и Алаиде.

В документах, подписанных ими, термин «цунами» не найти. Не содержат его и телеграммы, которые из Южно-Сахалинска и Северо-Курильска направляли в Москву, равно как и указания и депеши, поступавшие из столицы.

Казалось бы, незначительная деталь, но она позволяет в достаточной степени уверенно говорить, что население Северо-Курильского района, еще совсем недавно колонизированного советскими гражданами, не имело представления о том, какую угрозу таят в себе океанские глубины. Хотя старожилы Камчатки с этим грозным природным явлением, как читателю уже известно, сталкивались неоднократно.

В ноябре 1952 года на Северных Курилах никто, кроме нескольких корейцев, отнести себя к старожилам не мог, и никто не предупредил островитян о самой возможности и об опасной разрушительной силе цунами. Тем сильнее оказались ужас и отчаяние людей, застигнутых непонятным и страшным стихийным бедствием.

Еще до того как наступил рассвет 5 ноября, уцелевших жителей Северо-Курильска и военнослужащих местного гарнизона, укрывавшихся на сопках, приводили в состояние панического транса слухи о том, что весь остров вот-вот уйдет под воду. Позднее эти неизвестно кем озвученные предположения обрели силу официального прогноза и застали руководство страны принять безотлагательные меры по экстренной эвакуации населения и войск с Северных Курил.

Например, командование Камчатского пограничного округа МГБ СССР получило из Москвы указание о немедленном выводе с островов, подвергшихся ударам стихии, подразделений дислоцированного на Северных Курилах 109-го отряда. Сроки для эвакуации отводились экстремальные.

Центр приказывал взять с собой только секретные документы, индивидуальное и групповое оружие. Причем если при эвакуации подразделение в условиях стихийного

бедствия не укладывалось в отведенные сроки или тоннаж судна не позволял принять дополнительный груз, то разрешалось оставлять и оружие. Видимо, в Москве не исключали полной и скорой гибели островов.

На Парамушире ощущение неотвратимо надвигавшейся трагедии усиливали продолжавшиеся подземные толчки, страшные картины разрушенных населенных пунктов и сотни жертв стихии.

Первоначально жители Северных Курил восприняли сильные подземные толчки, разбудившие их около четырех часов утра 5 ноября, как неизбежное зло, к которому за несколько лет островной жизни успели привыкнуть. Трясло курильчан часто. Но до той трагической ночи все беды и проблемы ограничивались разбитой посудой, разрушенными печами, разваленными дымоходами в домах да синяками и ссадинами самих островитян.

До 5 ноября очередное сильное землетрясение на Курилах произошло 21 сентября 1952 года. Леонтий Васильевич Абрамов, приехавший в Северо-Курильск за два года до трагедии, рассказывает, что и тогда толчки начались в четыре часа пополуночи. В квартире, где он жил, сбросило со стен портреты и зеркала, потрескались печи, перекосило дверные и оконные проемы.

К ноябрю рачительный хозяин Леонтий Абрамов восстановил свое жилище в первозданном виде.

Когда 5 ноября его разбудили сильные подземные толчки, он первым делом взглянул на часы. Стрелки показывали 4 часа 12 минут. Кровать под Абрамовым прыгала, словно необъезженная лошадь. Хозяин квартиры попытался встать на ноги, но не удержался, упал. На него свалилась этажерка. Осыпанный книгами, Абрамов с озлоблением подумал, что последствия нынешнего землетрясения ему придется ликвидировать до майских праздников. Наскоро одевшись, Леонтий Васильевич выскочил из дома.

Многие из его соседей уже находились на улице, которая благодаря полной луне хорошо просматривалась в обе стороны. Островитяне собирались в небольшие группы, рассказывали, перебивая друг друга, о бедах и потерях, которые принесло

землетрясение. Всякий новый толчок заставлял их испуганно замолкать, но потом разговоры продолжались, кто-то даже начинал смеяться, рассказывая о том, как он кубарем выкатился из дома. Никому и в голову не пришло, что в эти минуты требовалось, схватив детей, продукты и теплые вещи, мчаться в сопки.

Серебряная дорожка луны дрожала на черной воде Второго Курильского пролива… До трагедии оставались считанные минуты…

Главный механик Госрыбтреста Олег Александрович Точильский, когда к нему вернулась способность логически размышлять, с безнадежным раздражением и испугом осмотрел превратившиеся в хлам домашние вещи, лежавшие вперемешку с осыпавшейся с потолка и стен штукатуркой. Взгляд хозяина натолкнулся на купленный совсем недавно радиоприемник. Его корпус красного дерева треснул, и сквозь образовавшиеся щели символом несбывшихся надежд на достаток в доме осколками сверкали разбитые радиолампы…

Еще более неприятные открытия ожидали Точильского за стенами квартиры после того, как он ее спешно покинул. Землетрясение сорвало дом с фундамента. Возвращаться в него из-за опасений, что здание в любой момент может рухнуть, механик не стал. Эта предусмотрительность в конечном итоге спасла Точильскому жизнь. Таких как он бедолаг, лишившихся крыши над головой, оказалось несколько, и пока они судачили о нерадостных перспективах бездомного существования, прошло полчаса или около того.

Точильский вспоминает, что где-то в 4 часа 40 минут со стороны океана, который до этого мгновения оставался необыкновенно тих и спокоен, донеслись беспорядочные крики. Прислушавшись, Точильский похолодел. Нараставший со стороны океана шум еще не заглушил сотен испуганных голосов: «Вода! Спасите! Тону!» Потом раздались выстрелы. Стрелял караул расположенных на океанском берегу складов 6-й пулеметно-артиллерийской дивизии. Оставшиеся в живых караульные рассказали, что огонь открыли часовые, заметив летящий на них водяной вал.

Находившиеся на постах солдаты воочию увидели, как вскоре после землетрясения, которое сопровождалось мощным подземным гулом, океан вдруг начал отступать от берегов. Сегодня жители сурового края знают, что это верный признак приближающейся катастрофы, называемой цунами. Но тогда часовые только с удивлением следили за непонятным им явлением природы.

Когда они заметили невесть откуда взявшуюся черную стену воды, искать спасения было поздно. Но все же кто-то из часовых, по-солдатски просто и инстинктивно реагируя на смертельную опасность, открыл огонь. Но и эти, казалось бы, бесполезные выстрелы, предупредили людей о надвигавшейся грозной опасности.

Уже в следующее мгновение после донесшейся стрельбы Точильский увидел высоченный черный вал, поднявшийся над городом, как разъяренный медведь над беззащитной жертвой, и в толпе растерянных испуганных людей побежал к сопкам…

Наталья Самойловна Ивлева приехала в Северо-Курильск одной из первых, в 1946 году, когда на островах еще оставались японцы. У одного из них она, назначенная заведующей, принимала магазин, которым некогда владел подданный микадо.

Наталья Самойловна была женщиной практичной. Пережив в Северо-Курильске несколько землетрясений, она в выделенной ей квартире кирпичную печь заменила чугунной плитой с котлом водяного отопления. Затем предприимчивая женщина прикрепила мебель к стенам, расставила посуду и безделушки так, чтобы исключить их падение при очередном стихийном бедствии. Поэтому ранним утром 5 ноября, проснувшись от сильных толчков и подземного гула, Ивлева чувствовала себя застрахованной от ударов рушащейся утвари.

Наталья Самойловна не спешила покидать свое уютное гнездышко, которое должность завмага позволила ей обставить с претензией на роскошь, разумеется, с поправками на условия островной жизни. Некоторое время Ивлева лежала в кровати, с головой накрывшись одеялом. При каждом новом толчке она испуганно вжималась в перину. Наконец женщина решила покинуть дом. Одевалась тщательно, с трудом вынимая из испуганно скрипевшего и подпрыгивавшего шкафа одежду. На сборы ушло около четверти часа.

Выйдя на улицу, Ивлева не успела перекинуться с соседями и парой фраз, как со стороны океана послышался громоподобный шелест, а потом донеслись крики людей, раздались выстрелы, где-то истерично взвизгнула и на полуноте захлебнулась сирена.

Люди на улице вначале застыли, потом кто-то рявкнул: «В сопки!» Наталья вместе со всеми побежала прочь от океана, но, будучи дамой нехрупкой комплекции, быстро отстала от соседей. Шум и треск, нараставшие с чудовищной быстротой, настигали Ивлеву.

Наталья Самойловна боялась обернуться, но все-таки, когда почувствовала, что не может сделать от усталости и шага, обернулась. Ее настигал черный грохочущий вал высотой 9–10 метров. Она еще не успела осознать, что происходит, как волна накрыла женщину. Ивлеву куда-то швырнуло, в легкие хлынула холодная океанская вода, и ее сознание померкло.

Наталье Самойловне повезло. Поток, подхватив женщину, вынес ее к подножью сопки. Она не помнила, как и кто вытащил ее из воды и, перенеся вверх метров на двести, уложил поближе к костру…

К счастью, в эти трагические часы в Северо-Курильске нашлись отважные люди, которые не только устраивали собственную судьбу, но и спасали других.

Очнулась Ивлева около восьми часов утра. На левом боку, который согревал костер, одежда почти высохла. Наталья Самойловна по-настоящему испугалась, когда, услышала рассказы выживших в катастрофе горожан…

Первый водяной вал, накатившийся с северо-востока, значительную часть города превратил в залив. На какие-то мгновения какофония ужасающих звуков природной катастрофы оборвалась, и тогда люди, нашедшие убежище на склонах сопок, услышали крики и стоны погибавших людей, рев, мяуканье и лай барахтавшихся в воде животных. Самым страшным для спасшихся было осознание их неспособности чем-то помочь гибнувшим землякам. Те, кто послабее, старался заткнуть уши, чтобы избавиться от боли сопричастности с воцарившимся человеческим ужасом. Кто-то бросался в воду, но стремительная карусель множества водоворотов превращала такие попытки в самоубийство…

Океан начал отступать, увлекая за собой всех, кто еще продолжал бороться со смертью, ухватившись за обломки того, что еще несколько минут назад являлось человеческим

жильем. Кому-то повезло, и их нашли в море до того, как холод и страх погасили в них остатки жизни. Но счастливчиков оказалось мало. Во Втором Курильском проливе и прилегающих к нему акваториях удалось спасти 146 человек, среди них 15 детей… Смерть всегда неохотно отдает добычу.

В лунном свете с сопок трудно было разобрать, что оставила за собой уходившая волна. Едва волна отступила, жители Северо-Курильска побежали искать пропавших родственников и друзей, посмотреть, во что превратилось их жилье. Тем самым они совершили трагическую ошибку. Курильчане, впервые столкнувшиеся с цунами, не могли и подумать, что пережитый ими ужас способен повториться.

Вторая волна пришла в 5 часов 12 минут, и она оказалась мощнее первой. Почти никому из тех отважных и нетерпеливых людей, которые ушли далеко в город, не довелось вернуться на спасительные высоты. К счастью, большая часть курильчан благоразумно оставалась на сопках. Они стали свидетелями того, как вторая гигантская волна завершила уничтожение их города. Сила цунами оказалась столь велика, что оно с легкостью поднимало танки и, шутя, словно бумажные кораблики, переносило 40-тонные машины на сотни метров.

Третья волна пришла около шести часов. Она была слабее первых двух и прошла, не встречая препятствий, по тому месту, где полтора часа назад располагался Северо-Курильск. Районный центр перестал существовать.

Владимир Павлович Липинский, приехавший на Парамушир после окончания медицинского института за два года до катастрофы, уже после эвакуации во Владивосток вспоминал: «В городе мы, как ни силились, не могли обнаружить признаков жизни, ибо ни одного здания в целости не сохранилось».

В скорбном свете робко нарождающегося утра жители Северо-Курильска, напряженно вглядываясь в то место, где некогда располагался город, дополняя и перебивая друг друга, перечисляли очнувшейся Наталье Ивлевой исчезнувшие здания:

«Смыло райкомы КПСС и ВЛКСМ, райсовет, районные отделы МГБ и милиции, располагавшиеся в одном здании. Исчезли госбанк, почта, больница, сберкасса,

управление госрыбтреста, рыбный морской порт, судоремонтная база, строительно-монтажное управление, рыболовпотребсоюз, торгбаза, северо-курильский рыбкооп, все артели и конторы города…»

Цунами разрушило и местный рыбокомбинат. Частично уцелело лишь оборудование, установленное на массивных фундаментах. Почти полностью были уничтожены жилые дома Северо-Курильска. Картину разрушений усиливали две громадные трещины, разорвавшие долину, где некогда располагался город. С порывами ветра до сопок доносился тухлый запах сероводорода, поднимавшийся по ним из-под земли.

Некоторые здания в Северо-Курильске все-таки уцелели. Повезло расположенным на возвышенностях гарнизону 109-го пограничного отряда и домам офицерского состава пограничников. Уцелели штаб и большинство казарм 6-й пулеметно-артиллерийской дивизии (ПАД). Цунами уничтожило, как уже упоминалось, склады соединения и расположенный от них поблизости саперный батальон. Из его личного состава уцелел всего взвод. Не тронула стихия и переполненный завезенными на зиму товарами главный склад райрыболовпотребсоюза. С него, начиная с 6 ноября, населению раздавали одежду и другие предметы первой необходимости. А склад, наполненный всевозможными товарами и продуктами, стал яблоком раздора между гражданскими и военными властями. Так уж всегда случается, что во время бед народных находятся люди, готовые нагреть руки на человеческом горе, но об этом ниже.

Вернемся на сопки. Нашедшие на высотах убежище люди грелись у костров. На Северных Курилах нет лесов. Растет ольха, которая дает больше дыма, чем тепла. Поэтому там, где удавалось развести огонь, собирались большие группы людей. С рассветом, когда вода ушла, на месте смытого стихией города люди начали собирать все, что могло гореть. Но уходить далеко от сопок рисковали лишь самые отважные. Подземные толчки все еще продолжались, и вслед за ними океан то наступал, то удалялся, теперь уже, правда, без разрушительных волн, но гипербольшие отливы и приливы еще долго пугали курильчан. Впрочем, теперь силы не желавшего успокаиваться океана хватало лишь на то, чтобы заливать бывший город.

Вот что о событиях 5 ноября рассказал оперуполномоченный Северо-Курильского районного отдела МГБ капитан Толстых:

«Когда вода сошла, весь день продолжались сильные отливы и приливы, заполняющие

почти весь город. Мне пришлось бегать: как только начинался отлив, я бежал к зданию РО МГБ, а как начинался прилив, убегал на возвышенность. Таким образом, я пробегал весь день 5 ноября. Вечером я пошел в штаб дивизии, чтобы сменить валенки на сапоги и получить гимнастерку, поскольку замерзал в мокрых валенках. Получив обмундирование, пошел в гору, в погранотряд, так как все воинские части и гражданское население ушли туда, ожидая 50-метровой волны».

Невероятные слухи – один страшнее другого – циркулировали среди жителей Северо-Курильска. Но вопреки всем тем ужасам и несчастьям, которые на них обрушились, гражданское население и военнослужащие 5 ноября в большинстве своем не находились в ступоре, безвольно ожидая дальнейших событий. Большая часть курильчан предпочитали растворить обрушившийся на них ужас и предчувствие еще больших трагедий в активных действиях. В таких условиях работа являлась единственным лекарством.

Продолжение следует